

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 285—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-285-302.

Badmaeva, E. N. (2025). Pastoral Livestock Farming in Southern Regions of Russia under Natural and Climatic Conditions of “Black Earth” of Kalmykia in 1930s. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 285-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-285-302. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНО-ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

НАУЧНО-ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы

Бадмаева Екатерина Николаевна

orcid.org/0000-0002-4472-5535

доктор исторических наук,
директор Международного
научно-исследовательского центра
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
en-badmaeva@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых обществ Юга России
в контексте
природно-климатических
факторов (XIX — середина XX веков)»

Pastoral Livestock Farming in Southern Regions of Russia under Natural and Climatic Conditions of “Black Earth” of Kalmykia in 1930s

Ekaterina N. Badmaeva

orcid.org/0000-0002-4472-5535

Doctor of History, Director,
International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian Space”
en-badmaeva@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

© Бадмаева Е. Н., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность осмысления исторического опыта развития животноводческой отрасли на отгонных пастбищах на Юге России в 1930-е годы обусловлена тем, что сельское хозяйство в настоящее время является одним из важнейших секторов в экономике страны. Уникальная животноводческая продукция Калмыкии благодаря беспрецедентному опыту 1930-х годов в выращивании неприхотливого скота, стойко переносящего отсутствие крова, бескормицы и некачественного (солончатого) водопоя, сегодня имеет спрос на мировом уровне. Охарактеризована деятельность центральных и местных органов власти по противодействию стихийным бедствиям, а также оценивается помощь, оказанная соседними регионами для спасения скота из районов Северного Кавказа и Нижней Волги, находившегося на отгонном пастбище «Черные земли». Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе выживания значительного поголовья скота на одном из южно-российских пастбищ в условиях недостатка естественных кормов, концентрированных кормовых смесей и воды в зимнее время во время «зуда». Работа основана преимущественно на материалах Государственного архива РФ, Центрального государственного архива Республики Дагестан и Национального архива Республики Калмыкия. Доказано, что непродуманная политика краевых властей по скоплению скота из районов Северного Кавказа и Нижней Волги, несмотря на впервые распланированное местными властями размещение в период неблагоприятной экологической ситуации, привело к гибели огромного количества скота, в том числе племенного.

Ключевые слова:

Калмыцкая автономная область; Северный Кавказ; отгонные пастбища; Черные земли; мелкий и крупный рогатый скот; лошади; верблюды.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of analyzing the historical experience of livestock development on migratory pastures in Southern Russia during the 1930s stems from the fact that agriculture is currently one of the most vital sectors of the country's economy. The unique livestock products of Kalmykia, shaped by the unprecedented experiences of the 1930s in raising hardy animals capable of enduring harsh conditions such as lack of shelter, feed shortages, and poor-quality (brackish) water, are now in demand on a global scale. This article characterizes the actions taken by central and local authorities to combat natural disasters and assesses the assistance provided by neighboring regions to rescue livestock from the areas of the North Caucasus and Lower Volga that were on the migratory pasture known as "Black Earth." The scientific novelty of this research lies in the comprehensive analysis of how a significant herd survived on one of Southern Russia's pastures amidst a shortage of natural fodder, concentrated feed mixes, and water during winter, particularly during periods of extreme hardship. The study is primarily based on materials from the State Archive of the Russian Federation, the Central State Archive of the Republic of Dagestan, and the National Archive of the Republic of Kalmykia. It demonstrates that poorly conceived policies by regional authorities regarding the concentration of livestock from the North Caucasus and Lower Volga regions, despite initial planning for placement during adverse ecological conditions, led to the loss of a substantial number of animals, including breeding stock.

Key words:

Kalmyk Autonomous Region; North Caucasus; migratory pastures; Black Earth; small and large cattle; horses; camels.

УДК 94:636(470.47)“193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-285-302

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Отгонно-пастбищное животноводство регионов Юга России в природно-климатических условиях «Черных земель» Калмыкии в 1930-е годы

© Бадмаева Е. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Кочевое животноводство на Юге России, в особенности у кочевых народов: калмыков, ногайцев и туркмен, сформировавшееся в суровых природных-климатических условиях степей, стало изменяться в конце XVII — XIX веках [Бадмаева, 2024, с. 324]. Постепенно в силу объективных причин кочевники стали переходить от кочевого к полукочевому образу жизни. В новой форме организации хозяйства у кочевников скот стал выпасаться в течение года по основному месту содержания, но в зимний период перегонялся на отгонные зимние пастбища. Ведущей отраслью полукочевого хозяйства калмыцкой степи было овцеводство, наряду с которым значительную роль играло и разведение крупного рогатого скота (далее — КРС). Климат природных зон степи и полупустыни наиболее оптимально подходил для разведения овец и КРС. На Юге России таким выгодным местоположением для зимнего выпаса скота являлось отгонное пастбище «Черные земли», которое отличалось отсутствием на этой территории сплошного снежного покрова и характеризовалось как «прекрасный фонд зимних выпасов» [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1269, л. 1]. «Черные земли» в течение всей зимы не покрывались снегом, а если скрывались, то тонким слоем, и вся растительность оставалась снаружи. Именно поэтому в зимнее время в течение нескольких столетий, несмотря на сложные природно-климатические условия территории, сюда, на естественные кормовые угодья калмыцкой степи, пригоняли в зимнее время скот из Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев.

Как отмечали калмыцкие власти, «практиковавшийся перегон скота на «Черные земли» не всегда обеспечивал скот от гибели, так как сама территория черных земель, определяемая в 1200 тыс. га, находилась в полной зависимости от метеорологических условий, и в суровые зимы с обильным снегопадом площадь выпаса сокращалась, доходя до размеров лишь площадей самих берегов и впадин, и тогда скот, скапливающийся в таких

частях, погибал от “зуда” (бескормицы — автор). По имеющимся сведениям, в 1898 году поголовье скота Калмыцкой области от “зуда” погибло на 40—50 %» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Заметим, что «зуд» в Калмыкии в принципе являлся привычным природным явлением для калмыцких скотоводов. Почти ежегодно имели место довольно сильные холода, и выпадал снег, и скот в той или иной мере страдал от бескормицы. Обычно наиболее тяжелым периодом являлся февраль, начиная со второй декады. К этому моменту калмыцкие животноводы, как правило, старались подготовиться: занимались организацией кормов (сена и концентратов); сосредотачивали скот в более выгодной климатической локации, но в 1930 году «зуд» значительно отличался от предыдущих лет, по сообщению старожилов, — такого страшного «зуда» не было 38 лет [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 12]. Его особенность заключалась в том, что «зуд» начался не в феврале, как обычно бывает, а в конце декабря, когда еще не был закончен полностью перегон скота на отведенные ему участки выпасов и не были окончательно выявлены сами выпасы и не приготовлены дополнительные корма для подкорма скота в период сложного климатического периода. Предмет исследования — отгонно-пастбищное животноводство юга России. Объектом исследования является борьба за выживание скота из районов Северного Кавказа, Нижней Волги и Калмыцкой автономной области в экстремальной ситуации зимой 1930—1931 года.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками выступили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): документы фонда Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917—1938 (фонд № 1235), который содержит сведения об административно-территориальном делении, утверждении народно-хозяйственных планов и бюджетов РСФСР, кодексы РСФСР и автономных республик, законодательные акты и др. В нашем случае использовалась опись 141 — секретная. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан использовались документы из фонда «Представительство ДАССР при Президиуме ВЦИК. г. Москва (ф. Р-178)», содержащие сведения по вопросу о возвращении овец из ДАССР в Калмыцкую область в 1931—1933 годах. Из Национального архива Республики Калмыкия привлечены документы из Центрального исполнительного комитета Калмыцкой АССР (ЦИК КАССР) (ф. р-3), содержащие сведения о падеже скота от зуда (1931 год). Благодаря выявленным архивным материалам доказано, что центральные, краевые и областные органы власти вникали в развитие экстремальной ситуации и оказывали конкретную помощь, хоть и не всегда оперативную. Тем не менее

меры, принятые властями всех уровней, — директивные, мобилизационные, организационные — представляются оправданными и в большей степени закономерными в условиях чрезвычайной ситуации. Методологическую основу составили принципы историзма, системности, объективности, изучения объектов в историческом контексте и детерминизма, вытекающего из причинно-следственных связей между рассматриваемыми явлениями. Кроме того, использовались сравнительно-географические и сравнительно-исторические методы работы с данными, что позволило вычленить особенности в прохождении природного катаклизма.

Исследования по истории отгонно-пастбищного животноводства остаются недостаточно разработанными. Вклад в изучение землепользования на юге России в советский период внес коллектив авторов проекта РНФ «Трансформацией кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов» [Бадмаева, 2023; Бадмаева, Эрднеева, 2024; Джумагулова, 2023; Трансформация кочевых обществ Юга России..., 2024]. Новейшие исследования по истории отгонного пастбища «Черные земли» в основном публиковались учеными-аграрниками, биологами и экологами [Ишакаева и др., 2021], рассматривающими среди прочих проблему восстановления деградированных ландшафтов, в том числе на исследуемом нами пастбище. Нерациональное использование пастбищ и проблема опустынивания в Республике Калмыкия являются предметом ряда исследований [Влияние Черных земель ..., 2020; Восстановление ..., 2021]. В меньшей степени указанная проблематика интересовала ученых-историков, но следовало бы отметить публикации Е. Гунаева, рассматривающего источники, посвященные учреждению и использованию государственного фонда «Черных земель» [Гунаев, 2015; Гунаев, 2021]. Тувинские историки провели обзор исследований по истории кочевого животноводства в Туве, в котором рассматриваются вопросы адаптации, выносливости и приспособляемости местного скота к окружающей среде, а также особенности традиционного выпаса скота [История исследований ..., 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Зуд» на отгонном пастбище «Черные земли»

Неурожай трав и хлебов, жесточайшая засуха летом 1930 года, постигшая Поволжье и Северный Кавказ, привели к гибели кормов. В связи с этим был организован массовый перегон скота на зимние отгонные пастбища в Калмыцкую область. Поэтому, кроме калмыцкого скота, на черных землях должно было разместиться более 600 тыс. овец из Грузии, а также скот из Терской области, «Красного овцевода» и «Красного скотовода» Прикумского района Ставропольского края. Таким образом, в зиму

1930/31 года планировалось разместить на зимовку в Калмыцкую автономную область до одного миллиона голов скота (крупного и мелкого) [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

В итоге в конце декабря 1930 года Калмыкия пережила настоящий коллапс в животноводческом комплексе. Суровая зима, сопровождавшаяся метелями и гололедицей, покрыла отгонные пастбища «Черные земли» глубоким снежным покровом до 17—25 см, поверх мокрого снега образовалась ледяная кора, с трудом пробиваемая овцой и лошастью (их копыта схожи с когтями животных и способны раскапывать снег), скот перестал самостоятельно перемещаться. Длительные восточные ветры создали экстремальную ситуацию и в значительной степени обусловили массовый падеж скота. Вот что отмечал Кренер, руководитель Прикумского района: «Первый шурган (метель), начавшийся 25 декабря, начал разгонять и распылять скот. Часть скота прибилась на так называемые осенние пастбища, на те, которые должны были попасть в первую очередь под снег. Зима застала скот по пути перегонок на черные земли. В этом районе сосредоточилось около 200 тыс. гол. скота, неспособного двигаться. Сено, которое находилось в пос. Адык (ближайшем населенном пункте. — *Е. Б.*), находилось на расстоянии 45 км. Положение пос. Состы, Хлебного Хутора, Светлого Ерика было лучше, потому что скот в этой части обходился до половины января подножным кормом. Концентраты поступали главным образом на подкрепление молодняка и маточного состава, в особенности в стадии беременности» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Через несколько дней буран (шурган) прекратился, но с 3 января непогода с новой силой разыгралась и охватила территорию «Черных земель» в Калмыцкой области и всю северную часть Прикумского района, где находилось вместе с прибывшимся скотом 150 тыс. гол. овец совхоза «Овцевод» и 12,5 тыс. крупного рогатого скота из других регионов; 3 тыс. гол. колхозного скота, расположенного на зимовье. В этот период силами Прикумского и Георгиевского районов было переброшено в охваченные «зудом» места свыше 180 тыс. пуд. концентрированного корма. Однако истощенный скот, несмотря на доставленные концентраты, застигнутый в пути без кормления, промокший под дождями и основательно продрогший от сильного ветра, без специального укрытия и защиты и в отсутствие питьевой воды стал массово погибать. Потери скота, вызванные падежом, вынужденным забоем и переохлаждением, достигли катастрофических масштабов: погибали 60—70 % стада [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Несмотря на тяжелую ситуацию, учреждения и организации Калмыцкой автономной области впервые предприняли попытку распланировать переход и провести распределение участков для скота на «Черных зем-

лях». При распределении пахотных земель приоритет отдавался племенным овцеводческим совхозам Овцеводтреста, за ними следовали колхозы, а единоличные хозяйства получали землю в последнюю очередь. В случае большой концентрации поголовья скота калмыцкое руководство, опираясь на имеющиеся стандарты по организации работы с крупными отарами и гуртами, настойчиво рекомендовало хозяйствам соседних регионов группировать отары не более 1000 гол. овец и гурты от 250 до 300 гол. КРС. Тем не менее Красноармейский районный животноводческий Колхозсоюз сформировал отары овец до 4000 гол.; крупного рогатого скота — по 600 гол. Более того, овцы сельскохозяйственной артели Усуковского района Красноармейского района Сталинградской области были объединены в отару в количестве 6094 гол. Отара овец коммуны «Фрунзе» (Северный Кавказ) состояла из 5000 гол. [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. При этом скот Нижне-Волжского и Северо-Кавказского края в тяжелейших метеоусловиях (буран, метель, чередующийся с краткосрочной оттепелью) передвигался почти с полным отсутствием кормов и колодцев по пути следования скота. В результате скот зачастую не имел доступа к воде в течение 10—12 дней, и многочасовые очереди у колодцев стали обычным явлением. [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

К тому же скот Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев одновременно передвигался к местам дислокации по одной дороге, причем количество скота составляло свыше 20 тыс. гол., что создало беспрецедентную ситуацию, повлекшую за собой проблему питания и водопоя. Зимовка привела к значительному истощению поголовья скота, несмотря на относительно удовлетворительное состояние животных перед выгоном на зимние пастбища [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

3.2. Борьба со стихией и ликвидация ее последствий

Несмотря на реализацию административно-управленческих мер в борьбе со стихией и ликвидацией ее последствий, в марте 1931 года на состоявшемся заседании Правительственной комиссии действия местных властей была дана отрицательная оценка. В вину им ставилось отсутствие четкого плана и программы выхода из кризиса. Председатель комиссии И. И. Кутузов подчеркнул: «Неорганизованность и бессистемность привели к тому, что массовое перемещение скота в огромных количествах проходило стихийно, без предварительного планирования и его регулирования, без распределения участков между пользователями (совхозами, колхозами, единоличниками) <...> без обеспечения защитных ограждений на случай сильных ураганов, что изначально ставило в тупик весь процесс по стабилизации кризисной ситуации» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Кроме того, комиссия указала на отсутствие четких критериев отбора

кадров — людей, сопровождавших отары овец и гурты с крупным рогатым скотом: «Беспечно власти отнеслись к персоналу, обслуживающему скот. Работники, в большинстве случаев не имели специальной подготовки, не были снаряжены необходимыми продуктами питания, не обеспечены специальной одеждой и др. Так, в колхозе «им. 13 Октября» на 4 тыс. гол. крупного рогатого скота выделялось всего 4 человека. Персонал не имел и не имеет соответствующей подготовки, предварительные работы с ним никакой не было проделано. Необходимыми предметами снабжения отары и гурты не были обеспечены в достаточном количестве (щитами, палатками). Чабаны были плохо одеты, недостаточно прозодежды. Нужно сказать, что продовольствия для людей, уходящих на черные земли, было недостаточно» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В заключение комиссия осудила местные органы власти за плохую организацию в 1930 году повсеместного сенокосения: «Не поставили эту работу как боевую хозяйственно-политическую задачу, рационально не использовали все внутренние ресурсы и возможности» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Вопреки критике, изложенной комиссией в своих выводах, местные органы власти привели собственные объяснения случившейся на «Черных землях» трагедии.

В своей версии Калмыцкое областное земельное управление оперировало конкретными цифрами, согласно которым содержание огромного количества скота не представлялось возможным по причине отсутствия подножного корма и достаточного количества концентратов. Ориентировочно численность скота в Северо-Кавказском, Красноармейском и Котельничском районе Нижней Волги на момент «зуда» составляла 670 тыс. гол., в том числе 430 тыс. гол. мелкого (овец) и 245 тыс. гол. крупного скота (коровы, лошади, верблюды) [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 1]. Из 7 000 000 га в КАО, как отмечало земельное управление, всего сенокосных угодий было 137 тыс. га, и в засушливый 1930 год сена удалось накосить — 27 тыс. тонн сена. К тому же из запасов 1929 года оставалось всего 13 тыс. тонн. Дополнительно крупные овцеводческие совхозы «Скотовод» и «Овцевод» на «Черных землях» произвели сенокосение и в осенний период заготовили около 20 пуд. сена. Таким образом, вместе с весенним сенокосом Калмыцкая область располагала 60 тыс. тонн сена [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Согласно расчетам, произведенным специалистами, полагалось для всего присутствующего на «Черных землях» скота 250 тонн (по нормативам на одну голову скота полагалась 1 тонна на 2 месяца). Как отмечали местные власти, не представлялось возможным прокормить имеющееся количество скота, как своего, так и прибывшего из соседних регионов. В заключение руководители подчеркнули, что для дальнейшего развития «Черных земель» необходимы комплекс мероприя-

тий по обводнению степи, а также использование научного прогноза, новых технических достижений и их внедрение. Специалисты заявляли, что в последующем без организации сенофуражной базы в колхозах и в индивидуально-среднезаселенческих хозяйствах практически невозможно будет противостоять подобным природным явлениям и купировать их последствия.

Вместе с тем недостаточное количество гужевого и автомобильного транспорта, отсутствие нормальных дорог снижали эффективность поставок кормов и продуктов питания. Краевые органы власти оказывали сильную помощь, но с мест фактически фиксировалось следующее: «Получили 15 машин и 15 катерпиллеров (гусеничных тракторов. — *Е. Б.*) из Астрахани, которые мы уже вернули, так они оказались негодными к эксплуатации. Потом получили еще 20 катерпиллеров и 2 катерпиллера из Северного Кавказа, из них один отослали уже обратно. Саратов прислал 10 машин, но они уже вышли из строя по негодности. Таким образом, сейчас в наличии всего 20 машин (всего в наличии в КАО имелось 15 машин. — *Е. Б.*), которые в последнее время работают по переброске фуража <...> Мобилизованы также подводы в Прикумске. Наблюдается несерьезное, нечестное отношение к делу мобилизации подвод. Задача Прикумской тройки заключалась в отправке фуража боевым порядком, но этого не было сделано» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Несмотря на внешнюю помощь из близлежащих регионов (Астрахани, Прикумска) (ныне Буденновска), «ощущалась нехватка технического персонала, и организация транспорта была неудовлетворительной, подводы отправляли без проводников и без маршрутов, из которых некоторые доходили до места, а другие не доходили <...> после 10 января скот начинает падать, начинается организация убойных пунктов» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Как показали архивные материалы, «ведомства и организации особенно конкретной помощи оказать не могли, потому что не было кадров и средств передвижения» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Доставка фуража и продовольствия в районы «Черных земель» характеризовалась значительными задержками и отсутствием надлежащего учета, что усугублялось масштабами территории.

В соответствии с практикой советского периода местные органы власти прибегли к мобилизационным мерам, введя трудовую и гужевую повинности. Огромное значение имела солидарность и поддержка общественных и иных организаций. Архивные документы подтверждают, что, спасая скот, добровольцы из числа комсомольцев на 100—150 подводах развозили фураж по степи для корма скоту, а впоследствии ими же были организованы через каждые 20 км кибитки-склады для хранения кормов. За три недели более 1700 подвод с сеном, овсом и топливом были достав-

лены в степь [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Такая помощь в борьбе со стихией была неоценима.

3.3. О падеже скота в Северо-Кавказских, Нижне-Волжских и калмыцких хозяйствах

В результате природной стихии, согласно архивным материалам, поголовье скота значительно сократилось не только в Калмыцкой области, огромные потери понесли и хозяйства на Северном Кавказе, Нижнем Поволжье и в Грузинской ССР. Так, по одним сведениям, например, числилось погибших овец из Грузии до 500 тыс., по другим — 20 тыс. гол [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф; НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1528, л. 132]. Как отмечал в своем докладе секретарь областного комитета партии КАО Х. М. Джалыков, «всего Северо-Кавказского скота погибло 87 %» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В официальной справке по убыли скота от «зуда» с 28 декабря 1930 года по 20 февраля 1931 года фиксировалось, что общее количество и прирезанного скота не установлено, поскольку «коши» (временные стоянки) постоянно меняли свое местоположение по мере их передвижения. Учет всего скота (Калмыцкого, Северо-Кавказского, с Нижней Волги), произведенный только на одном участке «Черных земель» на 20 февраля, выявил следующие цифры (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о падеже всего скота на участке с. Хулхута,
Сянциг, Утта, Авадзы *

Количество	Колхозы	Единоличники
Овец:	40814 гол.	28796 гол.
Пало	1830 (4,4 %)	1224 (4,3 %)
Дорезано	1087 (2,8 %)	301(1,03 %)
Всего погибло	7 %	5,35 %
Рогатого скота	6274 гол.	6227 гол.
Пало	1056 (16,8 %)	1123 (18 %)
Дорезано	861 (13,7 %)	421 (7 %)
Всего погибло	30,5 %	25 %
Лошадей	1489 гол.	593 гол.
Пало	184 (12,3 %)	127 (21,4 %)
Утеряно	133 (9 %)	63 (11,4 %)
Всего погибло	21,3 %	38,8 %

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 13]

Как видим из представленной таблицы, больше всего погибло лошадей и крупного рогатого скота, при этом основная масса скота понесла потери у единоличников.

В других районах имелись тоже внушительные цифры общей гибели скота. Так, например, в районе Цеб-Худук погибло и «дорезано» 37 % овец, рогатого скота — 45 %. В отдельных «кошах» убыль скота достигла катастрофической цифры. Только в «колхозе им. Фрунзе» Северного Кавказа из имевшихся 17 тыс. гол. племенных меринсовых осталось 4700 гол. овец. Еще больше о количестве павших животных на «Черных землях» свидетельствовали в разных местах степи собранные шкуры: овец 29 тыс. шт., крупного рогатого скота 10 тыс. Эта цифра тоже являлась относительной, поскольку значительная часть шкур у павшего скота была не снята. В качестве примера приведем сведения о 12 тыс. трупов в районе Амгучин-Гашун и Таван-Гашун. Кроме этого, огромное количество прирезанного скота находилось тоже в шкурах [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 14].

Скупые ежедневные сводки о падеже скота вычерчивали трагические цифры об огромных потерях. Нами приведены сведения о падеже скота Северо-Кавказского края и Красноармейского района в процентном отношении, полученные из п. Адыка на 20 февраля 1931 года.

Таблица 2

Сведения о падеже скота Северо-Кавказского края,
Красноармейского района и КАО из п. Адыка (в %)*

№	Название районов и хозяйства	Овец		Рогатый скот		Примечание
		% падежа в январе	% падежа в феврале	% падежа в январе	% падежа в феврале	
1.	В Цеб-Худуке: Красноармейский скот	4,7 %	37,8 %	21,7 %	45,4 %	На 13 февраля 1931 года
2.	Овардыке:					На 16 февраля
	А) Калмыцкие совхозы	2,5 %	14,8 %	12,7 %	25,7 %	
	Б) единоличников	4,5 %	19,5 %	17,8 %	54,8 %	
	В) Северо-Кавказский	2,5 %	23,4 %			
3.	Таван-Гашуне:					На 17 февраля
	А) Калмыцкие совхозы	10,7 %	18,1 %			
	Б) единоличников	9,6 %	16,3 %	19,4 %	37,7 %	
4.	Красноармейский скот	8,3 %	26,7 %			Общий процент
5.	Северо-Кавказский скот	7,3 %	11,9 %	35,2 %	43,6 %	Общий процент
6.	Единоличников	9,4 %	18,1 %		48,9 %	Общий процент

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 15]

Из таблицы можно сделать вывод, что в большей степени пострадал скот Северо-Кавказского и Нижне-Волжского краев. Очевидно, причина столь большой потери кроется в том, что, несмотря на решительные протесты местной власти на перегон скота из других регионов, из-за отсутствия кормов в связи с летней засухой, постигшей область, Краевая комиссия своим волевым решением постановила скот перегнать [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф], — и это стало началом трагедии на «Черных землях».

Что касается массового падежа в КАО, то гибель калмыцкого скота от «зуда» выразилась в следующих цифрах: лошади — 3005 гол. — 8,39 % от поголовья, «пошедшего в зиму 1930/31 года»; верблюды — 269 гол. — 4,30 %; КРС — 25 571 гол. — 18,31 %; овцы и козы — 66 696 — 14,65 % [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 61].

Если к этим цифрам прибавить данные по сбросу скота в 1930 году, то значительное сокращение поголовья скота в области за два последних года будет составлять 41 % по отношению к 1929 году [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 61].

«Зуд», длительно продолжавшийся в течение 68 дней, негативно повлиял в целом на состояние скота. За этот период калмыцкие животноводы вынуждены были утилизировать сильно истощенный крупный и мелкий скот.

Таблица 3

Собрано туш по Калмобласти за время зуда на 15 марта 1931 года

В Астрахани			
Крупных	4175 туш	687389 кг	42961 пуд.
Мелких	5312 туш	65412	4107 пуд.
Всего 47068 пуд.			
Лагани			
Крупных	297 туш	10786	674 пуд.
Мелких	1741 туш	17124	1070 пуд.
Всего 1744 пуд.			
Карабулаке			
Крупных и мелких		160 ц.	960 пуд.
Всего 49772 пуд.			
Калмбазаре			
Крупных	316 туш	21602 кг	1280 пуд.
Мелких	307 туш	3151 кг	191 пуд
Всего 3190 пуд.			

* Составлено по: [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 18]

Всего поступило: мелких — 15 000 шт.; крупных — 6000 шт.; всего: 21 000 шт. [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1565, л. 18].

Представленная таблица наглядно свидетельствует об огромном количестве погибшего скота.

По итогам обследования «Черных земель» в Калмыцкой автономной области во время стихийного бедствия, Нижне-Волжская краевая Рабоче-Крестьянской комиссия констатировала, что при всех объективных обстоятельствах, в том числе сверхплановом перегоне скота на «черные земли», затянувшейся зиме (2,5 месяца), произошла массовая гибель скота в количестве 100 тыс. гол. (включая вынужденный прирез) [НАРК, ф.р-3, оп. 2, д. 1365, л. 181]. В результате пострадали крупные специализированные овцеводческие хозяйства, потерявшие огромное количество племенного скота.

Стихийное бедствие в Калмыкии имело пагубные последствия не только для сельского хозяйства, оно в целом усугубило напряженность в социально-экономической сфере в южнороссийском регионе. Помимо огромных потерь в животноводстве «зуд» привел к продовольственному кризису. В Калмыцкой области стала резко ощущаться продовольственная нестабильность. В сообщении Правительственной комиссии секретарь обкома Х. М. Джалыков обращал внимание на продовольственные проблемы калмыцких животноводов: «Здесь на заседании говорили, что после зуда скота, наступает зуд людей. Этот зуд очень страшный! Сейчас питание нашего населения находится на ст. Дивное, на расстоянии 80 км, перевезти не можем, потому что транспорт, которым мы располагали, очень незначительный, а подвод, на которых мы можем перевезти — их нет. Это надо будет иметь в виду и поддержать население» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Между тем население стало больше голодать из-за отсутствия на местах необходимых продуктов питания. Отмечались случаи, когда продовольствие задерживали и распределяли не по назначению. Так, в с. Приютном произошел недопустимый случай. Продукты питания, предназначенные адресно гуртоправам, техническим работникам и добровольцам, борющимся со стихией и доставляющим по всему району корм скоту, были отправлены переселенцам, а специалисты и добровольцы остались без продуктов [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф].

Участники драматических событий на заседании Правительственной комиссии неоднократно указывали на продовольственные затруднения среди населения: «Положение населения тяжелое. Необходимо поставить вопрос о завозе продовольствия и об открытии кредитов <...> по всей области, как и в части скотоводческой, так и полеводческой <...> наступит людской зуд <...> в нынешнем году родилось только 1 ½ центнера с га. Положение нашей области рисуется в мрачных красках» [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. Правительство обратило внимание на эти заявления и приняло ряд мер по оказанию помощи голодающему калмыцкому на-

селению. Так, в своем решении Правительственная комиссия предложила Наркомснабу РСФСР усилить снабжение Калмыцкой области продовольствием: мукой, калмыцким чаем, растительным маслом и др., а также спецодеждой (в особенности чабанов) [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932. м/ф].

Трагедия, произошедшая в Калмыцкой области зимой 1930 / 1931 года, подорвала основы традиционного сельского хозяйства не только в КАО, но и в целом на Юге России. Неблагоприятные климатические условия и экономические трудности (недостаток гужевого транспорта, горюче-смазочных материалов, примитивные технические средства, нехватка концентрированных кормов и продуктов питания для персонала) осложнили борьбу со стихией (зудом), хотя в эти годы правительство СССР придавало развитию животноводства, в особенности овцеводству, огромное значение.

3.4. Кризис в сельском хозяйстве Калмыкии

Учитывая кризис в сельском хозяйстве Калмыцкой области, Наркомат земледелия СССР вынес решение: обратиться к Дагестанскому правительству с предложением принять активное участие по оказанию помощи КАО по ликвидации стихийного бедствия [ГАРФ, ф. р-1235, оп. 141, д. 932, м/ф]. В начале 1931 года Калмыцкая область передала для передержки породистых мериносовых овец в количестве 20 тыс. гол. в дагестанские животноводческие совхозы и в Терский округ около 10 тыс. гол. В этом же 1931 году по заявлению Х. М. Джалыкова Коллегия НКЗема СССР обязала Овцеводтрест «не позже лета 1931 года окончить возвращение в Калмыцкую область мериносовых овец, размещенных в Дагестане и Терском округе, причем овцы, размещенные в Терском округе, должны быть возвращены с приплодом, а овцы, размещенные в Дагестане, с половиной приплода» [НАРК, ф. р-3, оп. 2, д. 1499, л. 24]. Но власти Дагестана не спешили с возвратом калмыцких племенных овец.

Дагестанские представители власти писали в СНК РСФСР: «Овцы, принятые из Калмоласти, в совхозах дважды переносили тяжелые условия бескормицы во время зимовки 1931/32 года, вследствие чего количество их за время зимовки в Дагестане сократилось, а не возросло. По данным Дагестанского Овцеводтреста, за 1931 г. этот отход выразился в 9 тыс. гол. Кроме того, большое количество (5400 гол. по данным Даговцеводтреста) волушков за 1930/31 г. было сдано на мясо. При таких обстоятельствах нельзя даже и предъявлять к Дагестану требование о возврате в Калмыцкую область 20 тыс. гол. В настоящее время передача из совхоза Овцеводтреста 20 тыс. мериносовых овец сокращает основное стадо мериносовых овец ДАССР на 20 % и вызывает полную ликвидацию одного из крупнейших совхозов (№ 6 в Караногайском районе), оставляет неиспользованными капиталовложения в прошлые годы на эту группу овец и нарушает все

плановые наброски дальнейшего строительства животноводческих совхозов в Дагестане. Из-за неблагоприятной зимовки в 1932 году оставшаяся группа принятых из Калмообласти овец была доведена до истощения, значительная часть их перенесла простудные заболевания и состояние оставшегося поголовья, предназначенного к перегону, таково, что при перегоне могут большие потери. Кроме того, против перегона в данном случае говорит ветеринарно-санитарное неблагополучие (сибирская язва и оспа) районов, по которым овцы должны быть направлены, дальность расстояния (до 250 км), приближение случки и наличие в перегоняемой группе ягнят приплода текущего года» [ЦГАРД, ф. р-178, оп. 9, д. 7, л. 14]. Тем не менее официальные власти в лице Наркомзема СССР своим специальным постановлением вынесли решение: признать что решенный Овцеводтрестом и Наркоматом земледелия СССР вопрос о передаче в системе Овцеводтреста 54 тыс. гол. мериносовых овец (20 тыс. из совхозов Северного Кавказа и 34 тыс. гол. из совхозов Дагестанской АССР), как обоснованный хозяйственными и политическими условиями Калмыкии, в настоящее время пересмотру не подлежит [ЦГАРД, ф. р-178, оп. 9, д. 7, л. 12]. Вопрос о перегоне племенных овец из совхозов Дагестана смог частично решиться на высоком правительственном уровне только в 1932 году.

В эти годы не произошло качественного скачка в преобразовании советского овцеводства в тонкорунное, однако руководство страны уже запланировало развивать овцеводство и разрабатывало хозяйственно-экономические вопросы. Не зря в 1926 году для дальнейшего развития овцеводства оно создало Всесоюзное акционерное общество «Овцевод», преобразованное в последующем в Овцеводтрест и впоследствии — в Овцеводобъединение. Сельское хозяйство являлось важным звеном в народнохозяйственном комплексе, и обеспечение мясом, молочными продуктами населения и шерстяным сырьем отрасли промышленности было для страны актуальным.

4. Заключение = Conclusions

Очевидно, что участвовавшие в первой половине XX века природные стихии в виде засух, неурожаев и суровых зим все-таки заставили советское правительство принимать быстрые решения по их устранению, в том числе внедрять превентивные меры, хотя мероприятия советского и партийного руководства почти всегда были ответной реакцией на периодически обострявшийся экологический кризис в аграрной сфере.

Отрадно, что в 1930-е годы изменились политика в природопользовании и подход к природным ресурсам, хотя «Сталинский план преобразования природы» был принят позднее, в 1948 году. Наше исследование

обозначило круг проблем, с которыми Наркомат земледелия и Калмыцкая автономная область столкнулись в 1930-е годы.

На территории Юга России можно выделить пространства, имеющие специфические природно-климатические условия. Одним из таких мест считается традиционная зона отгонно-пастбищного угодья «Черные земли», рассматриваемая в нашем исследовании. Отгонно-пастбищное животноводство на «Черных землях» базировалось на естественных кормовых угодьях и в течение многих столетий оно интенсивно использовалось в зимнее время животноводами Северного Кавказа и Нижней Волги. В советский период, в русле общегосударственной экономической политики курировали «Черные земли» многие профильные наркоматы: Наркомат Земледелия, Наркомат путей сообщения, Утильгосторг, Союзхлеб, Союзтранс, Союзкожи и ряд сельскохозяйственных ведомств. В 1936 году сформировался особый статус «Черных земель» как пастбищной территории межрегионального значения, в котором хозяйствам соседних регионов Юга РСФСР и Грузинской ССР было предоставлено право получать на территории «Черных земель» Калмыкии выпасные участки в долгосрочное бесплатное пользование — сроком на 15 лет [Гунаев, 2021, с. 119]. Безусловно, нерациональная нагрузка отгонного пастбища — выпас ненормированного выпаса скота в настоящее время привел к очередному экологическому кризису, образованию пустыни с сыпучими песками на территории Республики Калмыкия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации, Ф. Р-1235 (Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917—1938). Оп. 141. Д. 932. м/ф.
2. НАРК — *Национальный архив* Республики Калмыкия. Ф. Р-3. (Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Калмыцкой АССР). Оп. 2. Д. 1269. Л. 1 ; Д. 1565. Л. 1, 12, 14, 18 ; Д. 1528. Л. 132 ; Д. 1499, Л. 24, 61 ; Д. 1365, Л. 181.
3. ЦГАРД — *Центральный государственный архив* Республики Дагестан, Ф. Р-178 (Представительство ДАССР при Президиуме ВЦИК. г. Москва). Оп. 9. Д. 7, Л. 12, 14.

Литература

1. Бадмаева Е. Н. Животноводство Калмыкии в природно-климатических условиях региона и переход на оседлость кочевого населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // *Nomadic Civilization: Historical Research*. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 66—82. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.
2. Бадмаева Е. Н. Советское государство и кочевые народы Юга России : социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920—1930-е годы) /

Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 324—345. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345>.

3. Бадмаева Е. Н. Черные земли : природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева, Б. А. Эрднеева // *Nomadic Civilization : Historical Research*. — 2024. — Т. 4. — № 2. — С. 66—81. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-66-81>.

4. Влияние Черных земель на образование Сахельского пояса в Калмыкии / М. М. Сангаджиев, Л. Х. Сангаджиева, Э. А. Цатхланова, Л. И. Мучкинова, Л. Х. Горяева // *Астраханский вестник экологического образования*. — 2020. — № 5 (59). — С. 101—106. — DOI: 10.36698/2304-5957-2020-19-5-101-106.

5. Восстановление деградированных кормовых угодий Западного Прикаспия / М.-Р. А. Казиев, К. М. Ибрагимов, М. А. Умаханов, Теймуров С. А. — Махачкала : Riso-Press, 2021. — 206 с. — ISBN 978-5-6042560-4-6.

6. Гунаев Е. А. Источники по учреждению и использованию Госфонда «Черных земель» в Калмыкии в 1930-е гг. / Е. А. Гунаев // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. — 2021. — № 4. — С. 119—140. — DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-119-140.

7. Гунаев Е. А. Статус региона «Черные земли» в Республике Калмыкия (1990—2000 гг.) / Е. А. Гунаев // *Вестник Калмыцкого университета*. — 2015. — № 3 (27). — С. 8—16.

8. Джумагулова А. Т. Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920—1930-е гг. / А. Т. Джумагулова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2023. — № 2 (75). — С. 91—101. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.

9. История исследований nomадного животноводства в Туве (обзор литературы) / С. Д. Монгуш, О. В. Бондаренко, Биче-оол С. Х., Комбу А. М. // *Новые исследования Тувы*. — 2024. — № 4. — С. 295—309. — DOI: 10.25178/nit.2024.3.14.

10. Ишакаева М. К. История изучения кормовых угодий Северо-Западного Прикаспия / М. К. Ишакаева, В. А. Шляхов // *Естественные науки*. — 2021. — № 4 (5). — С. 53—73.

11. Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX в.) : коллективная монография. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2024. — 486 с.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024,
одобрена после рецензирования 04.12.2024,
подготовлена к публикации 23.04.2025.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

NARC — *National Archive of the Republic of Kalmykia*. (In Russ.).

TSGARD — *Central State Archive of the Republic of Dagestan*. (In Russ.).

References

Badmaeva, E. N. (2023). Livestock breeding in Kalmykia in the natural and climatic conditions of the region and the transition to the settlement of the nomadic population in the 1930s. *Nomadic Civilization: Historical Research*, 3 (3): 66—82. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>. (In Russ.).

- Badmaeva, E. N. (2024). Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s—1930s). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 324—345. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345> (In Russ.).
- Badmaeva, E. N., Erdneeva, B. A. (2024). The Black Lands: natural and climatic conditions and economic activity of the population in the 1930s. *Nomadic Civilization: Historical Research*, 4 (2): 66—81. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-66-81>. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023). Reception of the Soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s and 1930s. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (75): 91—101. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Gunaev, E. A. (2015). The status of the “Black Lands” region in the Republic of Kalmykia (1990—2000). *Bulletin of the Kalmyk University*, 3 (27): 8—16. (In Russ.).
- Gunaev, E. A. (2021). Sources on the establishment and use of the Black Lands State Fund in Kalmykia in the 1930s. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 4: 119—140. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-119-140. (In Russ.).
- Ishakayeva, M. K., Shlyakhov, V. A. (2021). History of the study of forage lands of the North-Western Caspian Sea. *Natural Sciences*, 4 (5): 53—73. (In Russ.).
- Kaziev, M-R. A., Ibragimov, K. M., Umakhanov, M. A., Teymurov, S. A. (2021). *Restoration of degraded forage lands of the Western Caspian Sea. Scientific publication*. Makhachkala: Federal State Budgetary Institution Federal Agrarian Scientific Center of the Republic of Dagestan. 206 p. ISBN 978-5-6042560-4-6. (In Russ.).
- Mongush, S. D., Bondarenko, O. V., Biche-ool, S. H., Kombu, A. M. (2024). The history of nomadic animal husbandry research in Tuva (review). *New Research of Tuva*, 4: 295—309. DOI: 10.25178/nit.2024.3.14. (In Russ.).
- Sangadzhiev, M. M., Sangadzhieva, L. Kh., Tsathlanova, E. A., Muchkinova, L. I., Goryaeva, L. Kh. (2020). The influence of Black lands on the formation of the Sahel belt in Kalmykia. *Astrakhan Bulletin of Environmental Education*, 5 (59): 101—106. DOI: 10.36698/2304-5957-2020-19-5-101-106. (In Russ.).
- Transformation of nomadic societies in Southern Russia in the context of natural and climatic factors (XIX — mid-XX century): a collective monograph*. (2024). Rostov-on-Don: Altair. 486 p. (In Russ.).

*The article was submitted 28.10.2024;
approved after reviewing 04.12.2024;
accepted for publication 23.04.2025.*